4-й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 7

ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ФЕВРАЛЬ Ленинград, Просп. 25-го Октября 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. 1926 год

ЧЕЛОВЕК У ВЛАСТИ

Рис. Б. Антоновского

Зачастую выдвиженцев-крестьян не направляют на живую работу, а прячут в канцелярии.

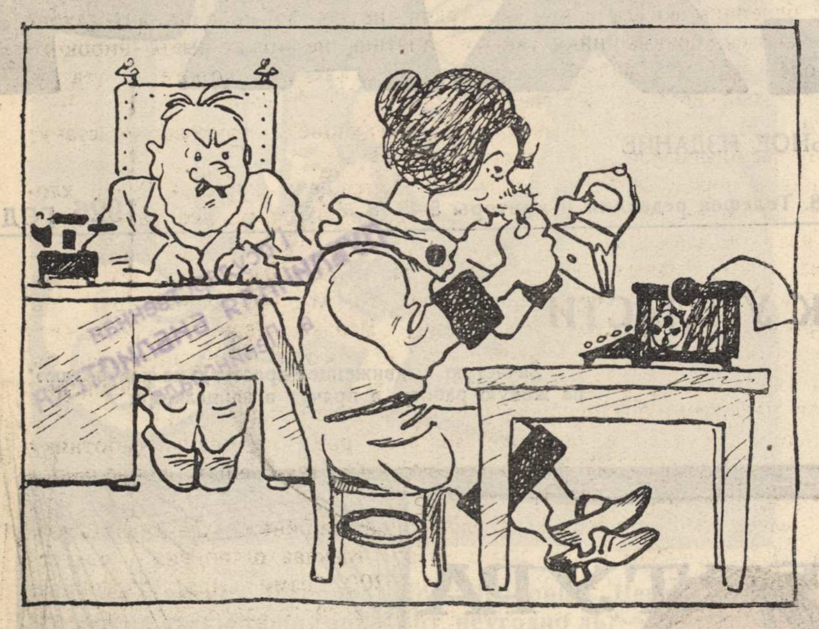
— Эх, а в деревне чичас самая работа... Сохи чинят, бороны ладят...

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ

„Электро-технич. лабораторией ВСНХ приступлено к изготовлению прибора, заменяющего работу стенографистки".

Веч. „Кр. Газ." № 22.

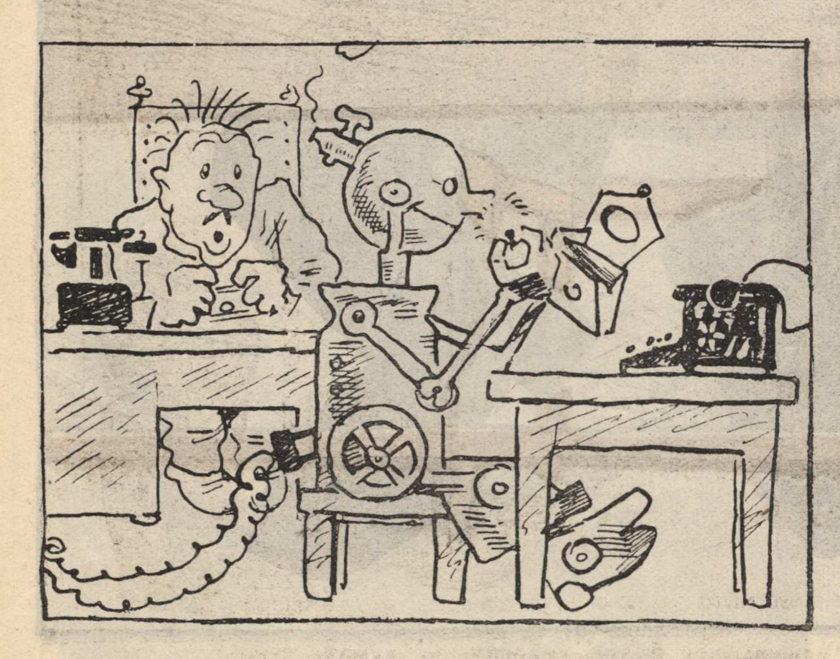
Рис. Н. Радлова

Сидела Марь Ивановна, нос пудрила...

— Довольно! — сказал зав:—Приобресть заместо ее автомат!

А через день, глядит: сидит автомат, нос пудрит...

КАРЬЕРА ЧЕРНОБАЕВА

Похоже ли на правду то, что я сейчас предложу вниманию уважаемого читателя?

На руднике имени тов Володарского (Донбасс) секретарем ячейки был некий Н. Чернобаев. Вместо руководства партийной работой этот Чернобаев напропалую кутил и пил.

Наконец, он доигрался до того, что был снят с работы и.. *направлен на другую, более ответственную работу*, а именно— на должность заведывающего ночным диспансером в том же районе. Таким „наказанием" остались очень недовольны партийцы и беспартийные рабочие.

Как будто, на правду и не похоже. А между тем, это— факт, отмеченный слово-в-слово „Рабочей Газетой" № 246.

Все же дальнейшее предлагается читателю принять на веру. Этого еще не было, но кто скажет, что оно не может быть? Лиха беда—начало.

* * *

Двое дюжих парней приволокли в диспансер недвижное тело.

— Кто тут есть из администрации? Примайте.

— Это что же, больной?

— Зачем больной? Окончательно здоровый.

— Дак что же с ним?

— Здорово окосемши. Только и делов. Примай тело.

— Да нам-то оно кчему?

— Как это кчему, ежели это новое начальство прибыло. Новый заведующий диспансером. Ну? Поняли? Распишись в приеме и забирай. Нам некогда. Не волынь!

Так Чернобаев водворился на место новой службы.

* * *

— Товарищи, повестка исчерпана. Но вот есть еще один внеочередной вопрос. Насчет заведующего ночным диспансером. Доложит о нем тов. Огузкин.

— Товарищи, дело ясное. Чернобаев не годится в заведывающие ночным диспансером. Дела запущены, а он пьет беспросыпно, день и ночь. Надо что нибудь предпринять. У кого есть предложение?

— Товарищи! Всем ясно, что такая несознательность кладет отпечаток. Подобные Чернобаевы позорят партию. Так что предлагаю беспощадно пресечь в корне и перебросить товарища на другую работу, чтобы прочим был пример и напоминание. Допустим, почему бы не назначить его директором рудника? Ежели бить, так по черепу!

— Правильно! Просим голосовать и никаких. Мы должны проучить его, чтобы чувствительно было!

* * *

„На руднике им. тов. Володарского заведующим диспансером был Н. Чернобаев. Вместо заведывания, он пьянствовал..." и т. д. „Наконец он доигрался..." и т. д.—„и назначен директором рудника".

* * *

— Опять, товарищи, с Чернобаевым неладно: с рудника поступают заявления—пьет напропалую...

— Дело ясное: сорвался парень и катится вверх! Отозвать надо.

— Ну, и куда направить?

— А что же стесняться! Сам виноват, и жалеть нечего. Дело ясное, куда—в председатели Рудметалтреста.

— Замётано.

* * *

„...Директором был некий Н. Чернобаев. Вместо директорствования, он..." и т. д.

* * *

Председатель Рудметалтреста, держась за косяк, „рвался", а в промежутках, между потугами, хрипел собутыльнику Сашке Вопчееву:

— Я, бр-р-рат... далеко пойду... Я... братец ты мой, теперчи куда пью? Можешь ты, дурак, понимать? Може, мне этот Донбасс осточертел! Може, я на столицу пью...

— А что ж, товарищ председатель! И допьетесь. Шутка ли— за короткий срок из ячейки в предтреста выпились!...

Ив. Прутков

ДЕЛО НА ЯТЬ

— Наш председатель месткома дело хочет на ять поставить!—

— Врет он все! Такой и буквы-то в русской азбуке нет!

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ

В английской печати появилось сообщение, что Ллойд-Джорж намерен посетить СССР. (Из газет).

Что-ж, пожалуй, почему бы
Нас ему не посетить,—
Мы могли-бы кой-чему бы
И Ллойд-Джорджа научить!
И, при встрече на вокзале,
(Ваш визит-де не сюрприз)
Улыбнувшись, мы сказали-б:
„Йес. Гуд бай, сэр! Иф ю плиз!“

В. Финити

КРОШЕЧНЫЕ РАССКАЗЫ

I Антиволокитин

— Нашел! — радостно вскрикнул изобретатель, потрясая небольшой колбой с переливающейся в ней бледно-розовой жидкостью.

— Это изобретение открывает новую эру в истории человечества. Мой антиволокитин будет жизненным элексиром, который сдвинет с мертвой точки работу наших учреждений, вдохнет в них струю энергии, разумного порыва, творческого вдохновения. Отныне больше нет волокиты. Три капли этого чудодейственного снадобья, подлитые в чай любого совработника, преобразят его. Он будет быстр, исполнителен, аккуратен, вежлив... Он избавится от страсти наращивания исходящих номеров и лени к исполнению входящих... Он...

Изобретатель схватил потертую барашковую шапку и бомбой вылетел на улицу.

— Все равно, куда!—думал он:—В трест или Л.С.П.О., в Губздрав или ассенизационный обоз.

— Чего надо?—недружелюбно осмотрел изобретателя важный швейцар в подъезде Коклюгитреста.

— Директора.

— Не принимают.

— Но мне экстренно, по неотложному, срочному, общегосударственному делу.

Швейцар, ошарашенный столь пышной тирадой, замялся, но все-же впустил.

Радостный изобретатель ходил от стола к столу, из комнаты в комнату, из этажа в этаж.

От него отмахивались, его перебрасывали, как мячик, кокетливые секретарши и солидные, знающие себе цену, бухгалтера.

Наконец, он попал к председателю.

Это очень, очень интересно, говорил председатель. Но, голубчик, не могу-же я единолично... Кроме того, ваше изобретение не зарегистрировано в Отделе Откриза. Оставьте письменное предложение и зарегистрируйте, этот... ваш... антиволокитин, а я соберу правление, мы рассмотрим и тогда... может быть... подумаем...

— Хорошо, уныло согласился изобретатель. Зарегистрирую. Чего уж...

*

В отделе открытий и изобретений его встретили с распростертыми объятиями.

— Антиволокитин? Это гениально! Это именно то, что нам теперь нужно. Напишите заявление, приложите свидетельство о привитии оспы, несудимости, подписку о том, что более 12-ти раз вы не состояли в браке, уплатили подоходный налог, не живете на нетрудовые доходы, справку от домкома о незадолженности за квартиру, от электротока...

*

Изобретателя хоронили скромно.

Конст. Шелонский

ЧТО МЫ ВИДИМ

(Опыт передовой статьи)

Корнеевская „Наша газета“ помещает передовую, где перемываются косточки всех местных работников, иногда по чрезвычайно незначительному поводу: на каждой строке фамилия, или инициалы. Это нездорово. Это даже, пожалуй, повод для склоки. Из газет.

...Возьмем товарища Васильева. Допустимо-ли, чтобы ответственный работник не отрывал бинокля от ножек балерины во все время спектакля, не считая, конечно антрактов?

Нам кажется, что человек, привыкший к такому занятию, не может иметь широкого кругозора. И тем более, что его видели с цветами в руках, по дороге к театру, во время репетиции. А жена его тоже не зевает.

Не отстает от него и М. К. П.; наши читатели, бывающие в Комхозе, не станут долго задумываться над расшифровкой этих инициалов.

И подлинно: „седина в бороду, а бес в ребро“. Кажется, ему придется скоро хлопотать о спец-алиментной ставке, ибо, по нашему вычислению, скоро все машинистки его отдела возбудят иски об алиментах.

Хороший цветок из букета и заведывающая яслями Н. К. М. Воображаем, что вырастет из этих ребятишек, когда они смогут понимать все то, что они сейчас зрят. Мы невольно вспоминаем фразу из анекдота для некурящих: „Ванька, держись: начинается“!

Статочное-ли дело, чтобы завгоробозом напивался до того, что останавливал бы среди бела дня на многолюдной улице возчиков и проверял, будучи в совершенно пьяном виде, доверху-ли наполнены бочки? Нехорошо, тов. Василий Ник. П.!

Вчера тов. Б. В. шел по улице и улыбался во весь рот. Серьезному работнику по дороге на службу не следовало бы думать о каких-то там вещах фривольного характера. Стыдно, т. В., у вас персональная ставка.

А т. Николаев позволяет себе, проезжая на служебной машине, останавливаться у гастрономического магазина и покупать 200 грамм сыру. Каждая остановка в известном проценте изнашивает мотор; и ради чего? ради 200 грамм сыра, купленного к тому же у частного торговца?? Такая открытая поддержка частного капитала со стороны лица, вся деятельность которого должна быть направлена на расширение оборотов госторговли, конечно, не допустима!

И ясно, что отсутствие в настоящий момент у госторгорганов сыра со слезой ни в какой мере не может служить оправдательным мотивом. Лучше поддержать бесслезный госорган, чем частного торговца со слезой. За это-ли мы боролись? И для этого-ли мы удивили весь мир Октябрем!?!

Вот что мы видим, вот с чем мы неустанную поведем борьбу, во имя наших достижений и укрепления нового быта. Долой все то, что мешает росткам новой жизни! И пусть товарищи местные работники подтянутся, ибо за ними следит наше недреманное око.

Исидор Гуревич

БУКВАЛЬНО

Изобретена логическая машина.

Рис. Л. Г.

— А чиво это машина, как будто, нелогически думать стала?
— А, должно быть, у ней винтика не хватает!

ГДЕ РАКИ ЗИМУЮТ

Рис Л. Бродаты.

Недостаток в медпомощи чрезвычайно велик. Комиссия наблюдала случай, когда в Луганске рабочему назначили 348-ю очередь на операцию, т. е. через 3 месяца.

Голос рака в желудке: Через 3 месяца? Ничего! Поживем еще!

СТЕНОГРАФИЯ

В этом тресте массового производства стенная газета, с броским названием „Массовик“, висела в простенке между местkомом и помещением тарифно-счетной части.

Заглавие „Массовик“ было выведено славянскою вязью; стихи, рассказы, передовые, фельетоны, четко отстуканные на машинке, были пересыпаны виньетками, карикатурами, и даже под росписью „Редколлегия“ желтел недурно нарисованный почтовый ящик с пальцем под ним и надписью: „А ты послал корреспонденцию в „Массовик“?...

Впрочем, последний вопрос был лишним: достаточно было промелькнуть глазом по столбцам газеты. Там, на столбцах, так и рябили и перебивали друг друга всевозможные: „Шилы, Кепки, Око, Свои, Диски, дяди Саши и т. д.“

День выхода стенгазеты был днем интересным в этом тресте массового производства. Около простенка толпились служащие; завы и бухи сдерживали, проходя мимо, шаги, и прислушивались.

— Ого-го! Опять это „Шило“ насчет сверхурочных прохватило! Отлично!

— А „Дядя Саша“-то в реплике про кассира Беспятова „Деньги ваши будут наши,—тру-люлю, да тру-люлю!“...

И даже тонные машинистки с напудренными носишками задерживали свое внимание на заметках женкорки „Своей“...

— Почему машинистке Зубиной задержали послеберемённое пособие? Охрана труда и материнства, где ты?

И долго потом по отделениям присматривались друг к другу с опаской:

— Уж не „Шило“ ли это?

— Наверно, Кудрин—„дядя Саша“?...

И внимательнее отщелкивали счеты, машинистки вонзались глазами в деловые бумаги, и даже сторож Семен с каким-то остервенением начинал обтирать пыль и чистить дверные ручки.

Однажды председателя редколлегии стенгазеты „Массовик“ вызвали в губотдел. Председателем был товарищ Астафьев, по должности—делопроизводитель.

Надо сказать—парень славный и работящий. Он ночи проводил в редакции газеты, даже облысел на этом деле и вечно ходил с вымазанными о краски пальцами, а на спине, или пониже, у него всегда лепились клочки бумажонок.

В губотделе Астафьева встретили ласково.

— Вы знаете,—сказал ему секретарь,—ваша газета на выставке стенгазет получила почетный отзыв?

— Да, я это знаю,—смущенно сказал Астафьев, перебирая желтые от охры пальцы.

— Ну, и вот. Согласно предписанию губпрофсовета, одолжите-ка нам на фабрики несколько ваших корреспондентов. Корреспонденции у вас отличные! Видны—люди пера! Они нам помогут наладить стенгазеты... Выходные дни, конечно, будут оплачены... На первый раз я бы хотел вас попросить предложить это товарищам „Шилу“, „Своей“, „Жалу“, „Чужому“, „Диску“...

И секретарь зачел список наиболее ярких корреспондентов. Астафьев стоял, понурив голову.

— „Шило“ не может,—сказал он, наконец.

— Почему?..

— В отпуску он,—замявшись, пролепетал Астафьев.

— И-эех,—прищелкнул сожалительно секретарь,—ну, давайте „Жало“. У него тоже ценные заметки.

— И... и.. „Жало“ не может.

— Да вы, может, думаете, псевдонимы их раскроются?

— Нет, я не думаю так... А только, и „Жало“ не может.

— Почему же?

— Пьет он страшно! И прогульщик первый! Только мной и держится. На сторону его нельзя пускать. Осрамит...

— Фу ты, беда! А женкорка „Своя“?

Астафьев, словно припоминая, поглядел в потолок.

— „Своя“?—переспросил он. Она... это, тово... беременна...

— На котором месяце-то?

— На седьмом,—убежденно проговорил Астафьев и добавил, не дожидаясь:

— А спортивный корреспондент „Диск“ в Париж на футбольные состязания уехал.

— В Париж?—изумленно сказал секретарь.—Да от вас никто в Париж же не уезжал? Чего вы путаете?...

Астафьев с тоской поглядел на серое небо, клок которого был виден в переплете окна, потом глянул прямо в губотдельские глаза и сказал:

— Вру я все! Вру, товарищ секретарь! Нет у нас никаких „Шил“ и „Своих“, и „Чужих“. Один это я стряпаю. Поверьте, тысячу раз просил, убеждал выделить корреспондентов; выделят, а они не пишут. Плюнул потом, сам писать стал.

Он перевел голос и схватился за карман.

— Да и у нас ли одних? Вон в „Ленинградской Правде“ написано...

И он зачитал аккуратно свернутый номер:

„Зачастую у нас стенгазеты заполняются одним, двумя рабкорами, пишущими под разными псевдонимами“.

Секретарь пощелкал в воздухе пальцами и сказал:

— Так, значит, и пьяница „Жало“, и беременная „Своя“ — это все вы?

— Я, я, я...

— Тэк-с!

Больше секретарь ничего сказать не смог.

Вл. Тоболяков

ИЗОБРЕТАТЕЛИ

Рис. В. Лебедева

— Ну, хорошо! Вы—торговка яблоками! А патент-то вы на что хотите истребовать?
— А я, милай, способ изобрела, как можно беспатентной торговлишкой заниматься!

ИЗВИНИТЕ ЗА ВЫРАЖЕНИЕ, ЭЛЛАДА

Быть может, гражданские похороны должны сопровождать девушки во всем белом с зелеными венками на головах.

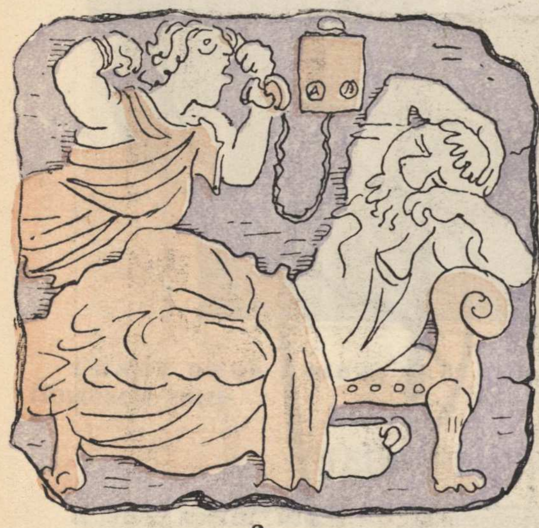
В. Вересаев о новых обрядах.

Иллюстр. Н. Радлова.

1.

Восемь лет смеялась кряду
Над поповским антраша—
И взгрустнула по обряду
Романтичная душа.
Скажем, смерти факт циничный:
Свечи, ладан—чушь... Но вот:
Белых девушек ритмичный
Поэтичный
Хоровод!
Звуки песенного лада!
Горизонт осенний сер.
Речь надгробная—баллада!
О, душевная услада!
О, античная Эллада...
На правах СССР!
Как хотите—достиженье!
Как хотите—шаг вперед!
Отметаю возраженье—
И мое воображенье
Сказку быта создает.

2.

Насосавшись пива на ночь,
Ото всех докучных дел,
Отдал душу Петр Иваныч—
Гражданин и управдел.
Привезли беднягу на-дом:
Порвалась-мол жизни нить!
Вот и случай по обрядам,
Чорт возьми, похоронить!
Целый день звенели бурно
Телефонные звонки:
Чтоб была фигурна
Урна!
Чтоб звучал напев ноктюрна!
Чтоб лежали не халтурно
Ленты, банты и венки!
И, забыв о переписке,
Шубы наскоро надев,
Побежали машинистки
Записаться в списки
Дев.

Анна Львовна, Марь Петровна—
Все невинны безусловно.
Самой юной—сорок лет.
Шейте белый туалет!

3.

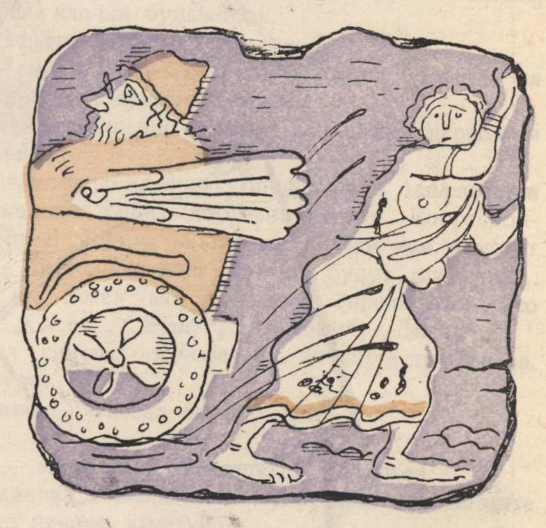
Марш-фюнебр рыдает глухо.
Урна в стиле блян-нуар.
(В страхе крестится старуха,
„Осадив на плитуар").
А за урною любовно:
Анна Львовна,
Марь Петровна,

Дочка сторожа Петра,
Помбухгалтера сестра,
Да уборщица Арина,
Да курьерша Катерина,
Да десяток секретарш—
Под искусный грустный марш,
В светлой вере и надежде,
Пляшут в белой прозодежде,
Стильно выпятив живот...
О, античный хоровод!

4.

Прелесть сказки! Правда были!
Ехал зав в автомобиле:
Чтобы знать порядок впредь—
Процедуру посмотреть.
Быстро вынырнул машиной,
Прямо в лужу въехал шиной,
Комья жирные поддев—
И забрызгал грязью дев.
Анна Львовна,
Марь Петровна
В луже выкупались словно.
Так пятно, а так развод...
Бедный белый хоровод!
Гневно плачут секретарши
(И помладше, и постарше)
Дочка сторожа Петра
Содрогнулась до нутра,
А Арину с Катериной
Как прошибло холериной:
Сводят колики живот...
Бедный белый хоровод!

5.

Засучили рукава им
И закутали в платки...
Едут бедные трамваем,
Плачут бедные с тоски.
После звуков марш-фюнебра—
Посмотрите! Стыд и срам!—
Полосатыми, как зебра,
Возвращаться по домам!
Был наряд так чисто вымыт,
Эвон—грязь со всех сторон...
Не годится здешний климат
Для античных похорон!
Вслед за Грецией—Европе-ль?
Дудки! Врете, подлецы!
Как связать двухместный Оппель
И лавровые венцы?!
Словом, речи полны яда:
В суд! В газеты! В профсоюз!
И чтоб нового обряда
Ликвидировать конфуз,
Чтоб решительно и прочно
Потушить возникший гнев—
Оплатили сверхурочно
Оконфузившихся дев.

6.

Я гляжу на жизнь как практик.
Я упорный враг химер.
Я—в отмену ложных тактик—
Излагаю этот фактик
Вересаеву в пример.

А. д'Актиль.

АРТИСТЫ

Обыкновенно день в исправдоме тянулся, как нитка из закрытой шкатулки: конца не видать. Но сегодня надзиратель прочел в общей камере новое сообщение: разрешено образовывать культурно-просветительные комиссии из числа самих заключенных, на основе свободных выборов.

— Вот и выбирайте, — добавил от себя надзиратель, пряча очки в футляр,—какие между вас артисты имеются. Список всех талантов составьте, а начальство уже разберет, кому какой ход дать.

Лишь только щелкнул дверной замок, камера загудела.

— Валета председателем!,—крикнуло несколько голосов—анекдоты он смешно говорит.

— Валет, Валет! —подхватили все,— хряй в председатели.

Валет, огромный дядя с вытекшим глазом, вскочил на стол

— Заткни жабры!,—помахал он руками.—Слушай, чего я звонить буду. Дело клевое. Артистам отсидку скостить могут, а мы всех запишем. Все в артисты.

Это открытие вызвало новое оживление, и заключенные толпой сгрудились вокруг стола.

— Арбуз у тебя варит,—сказал передний, похлопав Валета по голове.

Валет поплевал на огрызок карандаша и, подумав, вывел на листке бумаги:

Артист № 1. Валет—рассказчик-юморист.

Потом добавил:

Артист-председатель.

— Артист номер второй, — громко вызвал Валет, — что умеешь?,— спросил он переднего.

— В три листика умею, — ответил передний. — Ловко умею, нипочем карту не заметишь.

— Трилистник? —задумался Валет—запрещенное званье.

— Пиши его фокусником,—посоветовал кто-то,—фокусник на картах.

Валет отметил:

Артист № 2. Фокусник на картах.

— Артист номер третий?

— Меня третьим ставь,—сказал тощий парень,—фотографией я занимаюсь, белье с чердаков снимаю, Тоже, если мерзлое белье, умеючи надо снимать.

— Фотограф мерзлого белья? Забракуют, паря,—чмокнул губами Валет—незаконный номер.

— Я и законный могу. Вот по крыше, по самому краю, могу свободно бежать.

Валет почесал ногу и записал:

Артист № 3. Акробат. Смертный номер.

— Теперь я, — пальцем ткнул в бумагу старик—Я научный номер представлю. Пускай кто угодно из публики распишется на бумажке, а я тут-же его подпись подделаю, и сам он не разберет,—где его подпись, где моя. Научный номер, без фальши.

— Как тебя писать-то?,—озадаченно спросил Валет.

— А пиши ученым. Любую фамиль подпишу без ошибки.

Валет подумал и поставил на бумаге:

Артист № 4. Фамильный подписчик.

— Пятым меня отметь,—попросил следующий—Боковые карманы я чисто вырезываю. Ловкач я по боковым-то; самое святое дело мое, это бок.

Валет долго думал, махнул рукой и занес в список:

Артист № 5. Боксер.

Когда все были записаны, и Валет начал проверку, нет ли пропущенных, к столу протискался лысый шинкарь.

— Я не писался,—заявил он, поглаживая лысину—нету у меня никаких талантов. Водкой, действительно, торговал, а окромя этого ничего не умею.

— Как-же так, дядя? сказал Валет.—Один ты остался публикой.

И оглядел всех.

— Надо помочь человеку. Квалификацию надо ему придумать. Ты, дядя, может, голос имеешь?

— Нету голоса,—вздохнул шинкарь — Безголосый вовсе. Не умею я ничего в искуствах.

— Да ты раньше чем промышлял? — участливо спросил кто-то,— Самогон, что-ли, варил?

— Ничего не варил, — сказал шинкарь — Так жил. Меня баба одна, действительно, содержала.

Старик-подписчик протянул через стол руку и ткнул пальцем в список.

— Пиши его любовником, — сказал он Валету — Драматический любовник.

Валет задумчиво погрыз карандаш и написал:

Артист № 17. Драматический зухтер.

В Культпросвет из всего списка попали двое: гармонист-любитель и лысый шинкарь, развенчанный из драматических любовников в герои при занавесе.

К. Мазовский.

СВЕРСТНИКИ

— И за что вы, маменька, все на меня лаетесь?..

— Беспутный ты! В твои-то годы отец твой за торговые дела два раза в тюрьме уже сидел, а ты что? Тьфу!..

ЭПИДЕМИЯ РАСТЕТ

В Москве, в магазинах Резинотреста, обнаружена недостача 3.000 пар галош.

(Из газет)

Рис. Б. Малаховского.

— А где мои галоши? Па-звольте! Это уже три тысячи первая пара за последние две недели!

ВЕРХ НЕБЛАГОДАРНОСТИ

Рис. L. Антоновского

В Москве решено ввести штраф за подачу милостыни. (Из газет.)

— Что-о?! Копейка?! А под штраф за такую милостыню хотите? Эй, милиционер!..

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК

ПЕРЕГНУТАЯ ПАЛКА

Палка—штука простая, но если перегнуть ее на одну сторону, на один конец, второй может хорошенько треснуть по лбу, независимо от крепости лба.

Лбы бывают разные—русские, украинские, белорусские, кавказские и прочие.

Сейчас речь—о белорусских лбах.

Полным ходом идет в белорусской С. Р. „белоруссизация“, сиречь, внедрение белорусского языка в массу населения. Однако, многие административные органы проводят „национальное самоопределение языка“ со скоростью курьерского поезда, разбивая лбы „самоопределителей“ и „самоопределяемых“ одновременно.

Вот что пишет „Моск. Правда“:—

> — Я ня чую...
> Так говорит в школах нашего района инспектор, когда ребенок отвечает на его вопрос на русском языке.
> Так говорит член райисполкома секретарю и председателю сельсовета, когда те попытаются у него о чем-нибудь спросить и в своей речи употребляют русское слово.
> Так говорит приказчик кооперативной лавки в селе Горах крестьянам в ответ на их обращения:
> — Дай спичек!
> — Дай керосину!
> — Дай ситцу!
> У приказчика ответ:
> — Я ня чую.
> Поглядит на приказчика мужичек, покрутит головой, мысленно обложит приказчика матом, а вслух помягче:
> — Да что тебе уши-то землей заложило?
> А приказчик свое:
> — Я ня чую!
> В чем же дело?
> Дело, видите ли, в национальной политике.
> Этот приказчик—коммунист. Горячий коммунист. Торопится скорее „национальную политику“ провести в жизнь. *Может быть, месяц назад сам только научился белорусскому языку, а тут эти самые что ни на есть настоящие, коренные белоруссы к нему с „расейской мовой“ суются.*

При такой „белоруссизации“ естественно, население, во имя которого это делается, будет на все корки крыть администрацию, а администрация ехидно безмолвствовать: „Я ня чую!“

Полегче на поворотах, граждане, *а то можно и без языка остаться!*

Чуете?

НОЧЬ ТИХА... НОЧЬ ТЕМНА...

Вышеозначенное условие является, повидимому, необходимым для уважающей себя сибирской заводской администрации, собирающейся выдавать получку рабочим.

Так „Сов. Сибирь“ пишет:

> На Кемеровском химзаводе *зарплату получают ночью.*
> Некоторые рабочие живут на частных квартирах, в пяти верстах от завода.

Наше мнение?

Извольте поставить зарплату *в порядок дня!*

БЛИЖЕ К ЦЕХАМ

Лозунг Полесских ж. д.—ближе к цехам. По крайней мере, санкомиссия главных ж. д. мастерских, в осуществление этого пожелания, не устроила в вагонном цехе уборной. По словам „ПолесскойПравды“—

Рабочие оправляются возле своих цехов.

И скоро, и удобно, и производство не страдает. Одним словом, „*изживаем санитарные предрассудки*“.

А санкомиссию гл. ж. д. мастерских не изжить: *разлагается, подлая, но медленно.*

КАЗАНСКИЙ СОЛОМОН

Рассказывает „Красная Татария“:—

> Надсмотрщику телефонной станции, для обслуживания городской сети и выезда на срочный ремонт повреждений, спецодежда была выдана на руки. Вступает новый заведующий конторой и отдает распоряжение *отобрать от надсмотрщика спецодежду и выдавать ее только тогда, когда случится повреждение.*
> Иной раз повреждений бывает на дню несколько, так что вместо срочного ремонта рабочее время будет уходить на получение и сдачу спецодежды.

Если бы узнал царь Соломон о таком решении, перевернулся бы старик трижды в гробу: до чего завидно!..

А Казанский Соломон—ни бог, ни царь и ни герой, а просто скромный самодур из нарсвязи, механику одежды не выдает, а сам небось в спец-пиджачишке день-деньской щеголяет, благо, умственное повреждение за повреждение не считается!

БОРЬБА ЗА КАЧЕСТВО ВОБЛЫ

В Березниковском ЕПО была произведена редкая хозяйственная операция:

> В июле правление закупило у астраханской артели инвалидов „Личный Труд“ 300 пуд. воблы. Когда вобла пришла, комиссией, при участии врача, она была признана негодной к употреблению: *вся кишела червями.*
> К артели был предъявлен иск.
> Прошло 4—5 месяцев.
> *Новое правление, опять-таки совместно с врачем, признало воблу годной и пустило в продажу по 8 коп. фунт.*

По 8 копеек за фунт. Совершенно верно, только—не воблы, а червей. Трудящиеся рыбаки района нуждаются в дешевом и хорошем продукте для приманки, и ЕПО, как видно, пошло им навстречу. По слухам, червями ЕПО обеспечено до нового урожая.

ЕХИДНЫЙ РАЗРЯД

Приключилась на ст. Саратов II беда:

> Два года получал ламповщик ст. Саратов II по 5-му разряду. Потом неожиданно выдают по 4 разряду. Ахнул только, погоревал. Но и этого мало. *Касса дороги решила вычитать с него разницу за все то время, пока он получал по 5-му разряду.*
> Кто-то виноват, кто-то допустил ошибку, а бедный ламповщик в накладе.

Пройдет лет пять, а там, смотришь, спохватится правление дороги: — помилуйте, ему по второму разряду платить нужно, а он у нас вот каким фертом живет, по четвертому получает!..

И отношеньице: так, мол, и так, гоните разницу с пеней за 5 лет!

Плюнет ламповщик, ахнет и повесится на ламповом крюке.

Говорят, глупость человеческая, и та предел имеет...

На всех ж.-дорогах С. С. С. Р., окромя Рязанско-Уральской.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ

Происходят столкновения между сторонниками „автокефальной“ церкви и „тихоновцами“... Есть убитые... (Из газет).

Эпоха войн религиозных
Еще не кончилась,—увы!

Порой, на улицах морозных,
Доходит ярость споров грозных
До „оторванья головы“!
Как не испытывать волненья
За кошелек, пальто и жизнь,
Когда раздастся в отдаленьи:
— „Автокефальная“, держись!
И удирать, я знаю, нужно
С проворством маленьких ребят,
Покуда „тихоновцы“ дружно
Своих врагов скулодробят!
О, да!—„Церковного вопроса“
Постигнуть сущность не легко,—
И—дорожа структурой носа—
Я убегаю далеко!
И говорю, без жалоб слезных,
Проверив целость головы:
„Эпоха войн религиозных
Еще не кончилась,—увы!“

Яков Годин

ПРЕМИАЛЬНАЯ СИСТЕМА

(Модная болезнь)

— Итак, дорогие товарищи, прошу внимания. Я зачитаю сейчас в хронологическом порядке план нашей кампании под лозунгом „Даешь читателя!“

Секретарь газеты (мы деликатно не назовем ее имени—„что в имени тебе моем?!“) снял с носа пенснэ, протер заграничными телеграммами и снова напялил на нос.

— Э-э... Предупреждаю, товарищи, что предстоят материальные жертвы. Читатель—не блоха, его легко не возьмешь к ногтю. Читателя нужно заинтересовать материально, что мною и положено в основу проекта. Итак... Мы объявляем ряд конкурсов.

Конкурс первый:

„КАКОЕ МОРОЖЕНОЕ ВЫ ЛЮБИТЕ“?

„Читатели! Присылайте в редакцию письма с указанием вашего любимого мороженого.

В письмах желательна мотивировка (объяснение—почему вы отдаете предпочтение тому или другому сорту)

Наиболее интересные ответы будут премированы.

I-я премия:—Кусок чудного душистого мыла „Семейное“.

II-я премия:—пять трамвайных талонов на любое направление по городским ж. д. Ленинграда.

III-я премия:—полный комплект газеты за прошлый месяц.

Мыло, назначенное 1-й премией, выставлено в витрине Главной конторы“.

Конкурс второй:

„ЧЕЙ НОС ДЛИННЕЕ?“

„Читатели! Присылайте в редакцию точные обмеры ваших уважаемых носов, заверенные управдомом или районной милицией.

Ежедневно с 10-ти утра и до 3-х часов дня в редакции (адрес) будет производиться бесплатная фотографическая съемка носов.

Наиболее интересные носы будут воспроизведены в нашей газете на специальной страничке, посвященной носам читателей.

За лучшие носы мы выдадим 3 премии:

I-я премия: Носовой платок с лозунгами.

II-я премия: Намордник для медведя.

III-я премия: Разовый билет в любую баню“.

— И, наконец,—третий конкурс...

Секретарь обвел глазами собрание и, встретив сочувственные взгляды, бодро продолжал:

— Третий конкурс:

„КТО НАЙДЕТ ТРУБУ?“
(Наша головоломка).

„Одна из тысяч дымовых труб Красного Ленинграда помечена инициалами нашей газеты.

Найдите эту трубу!

Читатель, точно указавший местонахождение трубы (а именно, улицу, № дома, план крыши с пометкою на нем), а также определивший вероятное число лиц, которые не найдут трубы,—получит звание

ПОЧЕТНОГО ТРУБАЧА,—

его фамилия будет напечатана в нашей газете, вместо передовицы, кроме того высечена на указанной трубе!“

— Вот и все, товарищи,—заключил секретарь.—Кто выскажется по существу?

Все подавленно молчали. Высказался только один зав. конторой:

— М-да...—сказал он:—Влетит нам в копеечку... Мыло, намордники... Ой-ё-ёй!..

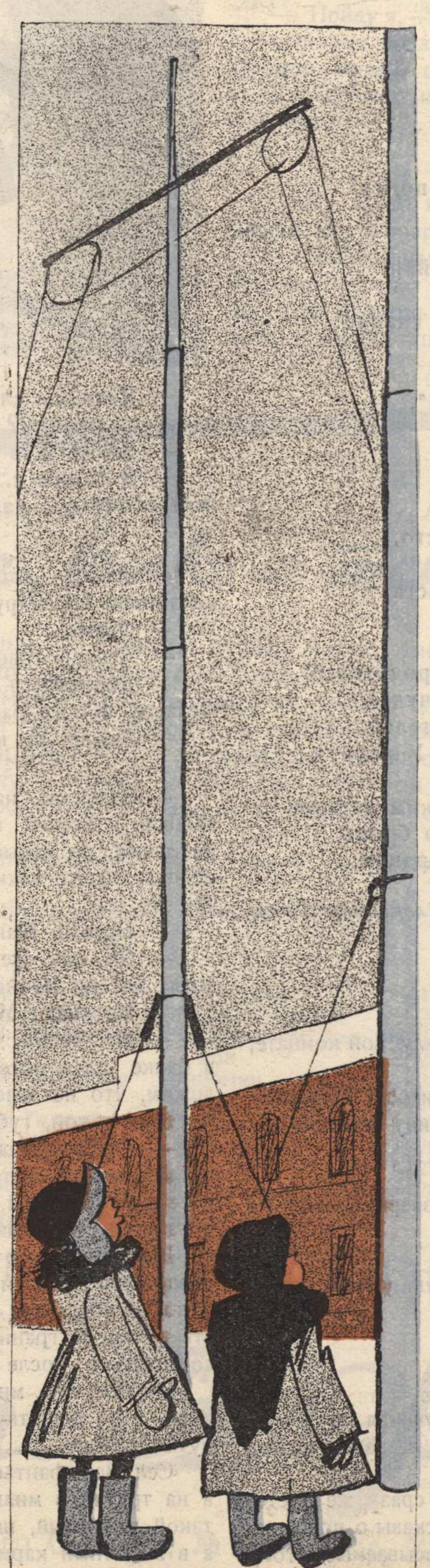
А нельзя-ли начать с 3-го конкурса,—с трубы—она же, как я вижу, самая для нас дешевая?..

Но зава не поддержали, и его голос оказался гласом вопиющего в трубе.

Ив. Пр.

У РАДИО МАЧТЫ

Рис. Л. Г.

— **Ежели мачту такую выстроили,— то какой же по ей корабль будет?**

НА КАТКЕ

— Ну и кавалер! Ни одного канплимента!

— Не мастер я...

— Да мы и от подмастерьев слыхали!

ПЕРЕТАСОВАННЫЕ КАРТЫ

Дух новых форм повсюду бродит,
Сильнее он из года в год.
И даже в карточной колоде
Произошел переворот.

Кладя фундамент новой стройки
И чуя творческий азарт,
Решили маленькие двойки
Переменить названье карт.

Ну, скажем, „туз“, что сталью взора
Замедлить может всем аллюр,
Теперь зовется *прокурором*
И стал грозою для „фигур“.

„Король“, чьи жесты так велики,—
Утратив царственный венец,
Не опирается на „пики“,
А скромно носит имя *спец*...

Но, помня старые порядки
И сохраняя важный вид,
Берет он очень часто... „взятки“,
За что „тузом“ нередко „бит“.

Лишь „дамы“, как и встарь устроясь,
Хлопочут, чтобы в краткий срок
Им, перерезанным по пояс,
Для юбок дали... пару ног.

Дни карт текут под новым солнцем,
Имен постылых больше нет...
„Десятка“ названа *червонцем*,
Чтоб „брал“ ее... *кассир*-„валет“.

Но в старых формах жизнь упряма,
И непреложно, словно мир,
***Червонец*, и *кассир*, и „дама“**
Всегда дают привычный... „жир“.

Они-бы шли своей дорогой,
Но, выметая с хаты сор,
„Пятеркой“... годиков со строгой
Их „кроет“ „туз“-губпрокурор!

Конст. Шелонский

ГРАЖДАНИН УНДЕРВУД И ТОВАРИЩ МУТОВКИНА

(Канцелярская поэма)

Вы скажете—„канцелярщина"... скучные темы...
Но позвольте прославить героический труд,
Рассказать, как на столике американской системы
О Варваре Мутовкиной пел Ундервуд.

Варвара Петровна—дочь пролетарских родителей,
Глаза—голубые, рост—средний, лета—никчему,
Песчинка из гущи московских жителей,
Осевшая в канцелярском дыму.

Варвара Петровна! Побольше строчек!!
Вам ведом начканца строжайший НОТ?
Сшибаются лбы у запятых и точек—
Диктует начальство, глядя в блокнот...

... Не топят черти! Погода—худая...
И пальцы стынут в лихой беготне—
„В ответ на Ваше... Препровождая"...
„Просим уведомить о часе и дне..."

„Копия с копии. Протокол номер..."
Стоп! Минутка! Чай пить пора!..
— А знаешь, Варенька, Иван Семеныч помер!
— А я его видела позавчера!!

Мы знаем, мы слышим про винтики, гайки,
Трансмиссии сверла, тиски, провода.
Варвара Петровна! В производственной спайке
Вы—верная гайка в машине труда.

В кожаной куртке, канцелярское „диво",
На битой машинке творя чудеса,
Не вы-ли стучали в халупе начдива
На фронте по двадцать четыре часа?

Не вы-ли с миром возвратились на место,
Не ударили храбро носиком в грязь—
Въехали с Ундервудом в правление треста,
Крепить канцелярскую связь?

Варвара Петровна, дочь пролетарских родителей!
Разрешите сказать вам без всяких причуд—
Кроме сотен и тысяч неизменных ценителей,
Ваш первейший поклонник—гражданин Ундервуд.

Он не знает комплиментов с человеческим перцем,
Не встревожит признаньем вашу левую бровь,
Но чувствует, подлец, американским сердцем
И вашу преданность, и вашу любовь!..

Александр Флит

ПО ДОРОЖКЕ СТОЛБОВОЙ

Рис. К. Рудакова

— Пос... с... слушайте, гражданка. Вы х... хорошо знаете этот р... ррайон?

— Знаю. А в чем дело?

— В таком с... случае скажите: с... следующий трамвайный столб д... далеко?

ЖУЛИК

Я нашел Макара Мамашкина в самой дальней клубной комнате, в той самой, в которой разрешалось курить.

Я не меньше четверти часа наблюдал за игрою Макара и решился заговорить только тогда, когда Мамашкину удалось запереть все двенадцать шашек своей левой руки.

— Здорово вы его отделали!—воскликнул я.

— Под орех,—согласился Макар, любуясь развернувшимся на шашечной доске фронтом.

— Партнер-то у вас больно никудышный.

— Да, это вы заметили правильно. Левая рука у меня играет прескверно.

— Далеко ей до правой.

— Куда ей!

— Поучили б вы ее,—посоветовал я.

— Поучить?—усумнился Макар,—нет, из ученья ничего не выйдет. Вот, нашего Шлендру сколько учили, а разве вышел толк?

Упоминание имени Шлендры заставило меня сразу же насторожиться. Все железнодорожные анекдоты и рассказы о похождениях конторщика Шлендры, все легенды, приписываемые этому хитроумному жулику, Макар знал в совершенстве и был начинен ими, как праздничный пирог—начинкой из рубленого мяса, или гречневой каши.

— Макар,—осторожно попросил я,—уж если вы первый вспомнили Шлендру,—скажите, где он сейчас?

— Фьють!

— Что вы говорите!

— Допрыгался. Секрет его самый главный раскрылся. Ежели желаете, я могу рассказать, почему и за что?

— Макар, ну конечно же, конечно!

I.

— Шлендра, начал он,—как вам известно, жулик первостатейный, и всяких грехов за ним всегда водилось три короба неполных, но самым хитрым грехом был первейший его грех. Вы, небось, знаете каким манером поступил к нам Шлендра? Нет? Да что вы?

— Правда, Макар, не знаю.

— Да как же, громкое такое дело было! Помните еще тогда кассир Вонифатьев сорок тысяч потерял?

— Не знаю, Макар, уверяю вас.

— Ну, ладно. Вот этот самый Вонифатьев получил деньги в банке да и потерял их по дороге. Как он потерял, предположим, что не знаем, но только потерял. Прибежал в милицию, бледный такой, губа дрожит, волосы—в кучу, и говорит:

— Глубокоуважаемая рабоче-крестьянская милиция! Все равно вы мне не поверите и скажете, что я жулик, но только потерял я середь бела дня сорок тысяч. Вяжите мне руки за спину и заковывайте меня в кандалы!

Выслушали его от начала до конца; всю родословную его расспросили; узнали, что он делал и до февральской революции, и до октябрьской, и после октябрьской; и есть ли у него родственники за границей, и были ли судимы, и в какой партии состоит,—и после всего этого и говорят:

— Вот что, мил-человек, рук мы не вяжем, в кандалы не куем, а за решетку тебя припечатаем. Посиди, пока дело по путям пойдет.

Сел Вонифантьев за решетку, просидел день, просидел два, а на третий в милицию приходит молодой человек, такой тихий, такой вежливый, шляпо-кепку снял, окурок на пол не бросил, а в жилетный карман спрятал, и говорит:

— Будучи человеком честным, не желаю губить кого-нибудь на земном шаре. Не терял ли кто нибудь сорока тысяч рублей?

Мильтон, конечно, отвечает:

— Ну, терял. А вам что?

— А мне — то,—отвечает молодой человек приятной наружности, одна верста в окружности,—что эти сорок тысяч нашел я.

Мильтон, конечно:

— Брешете.

А молодой человек:

— Прошу сосчитать.

Да и выложил из разных карманов на стол все сорок тысяч.

Просчитала милицейская братва раз, просчитала два да и говорит:

— Пятачка не хватает. 39 тысяч, 999 рублей 95 копеек.

— Правильно,—отвечает молодой человек, не пересчитывайте в третий раз. Пятачек я растратил. Очень уж жареными семячками прельстился и целый стакан купил. Судите меня за эту растрату.

Собралось все милицейское начальство, деньги щупают, на молодого человека смотрят и все удивляются:

— В чем,—говорят,—товарищ, дело? Почему вы этих денег не украли, извините за выражение?

— Такой уж я честный,—отвечает,—это у меня родовое: и дедушка, и бабушка, и все тетки. Пес у нас был, так и тот куска мяса не сопрет.

— А пятачек?—не утерпела братва, чтобы не упрекнуть.

— Что ж,—кается,—вяжите мне за это руки за спину и заковывайте меня в кандалы.

— Нет, мил-человек,—говорят ему,—рук мы не вяжем, в кандалы не куем, а позвольте узнать: сколь вы богаты, что можете по сорок тысяч возвращать и честностью нам баки забивать?

— Я, отвечает,—есмь безработный и полгода заработка не имею.

А живу тем, что газету „Коммуну" на углу продаю, но только очень уж мне надоело на углу мерзнуть и очень мне хочется куда нибудь конторщиком поступить.

— Вакансов нету,—вздохнула вся милиция, нету их сволочей— ваканцов.

А один говорит:

— Кабы вы были ученым геологом и курикула-виты у вас была, можно было бы вас профессором в университете устроить. Как, нет ли у вас этой самой курикулы?

— А кака она така?

— Да такая,—отвечают ему,—всякая. Обыкновенная.

— Нет, говорит,—нет у меня ее, подлюги. Что-ж,—скулит,— ежели что, то позвольте домой уходить.

— Извините,—отвечают ему,—разве вас можно так отпустить? Позвать сюда товарища Свищова—нашего рабкора. Пусть он вашу добродетель в газетах в стихах и прозе пропечатает.

И действительно, во всех газетах было пропечатано полно и подробно, что дескать вот оно что и как оно что и, дескать, и честные люди бывают и сколь жаль, что они безработные!

Не прошло с этих пор и недели, а этот молодой человек уж имел предложение в целую дюжину мест и уж, конечно, от железной дороги.

— Пойду я,—говорит,—на железную дорогу. Там,—говорят,— провизионки выдают и топливо получить можно. А также от военной службы освобождают . . . . .

Ну, конечно и поступил. Пятьсот человек не поступили, а он поступил . . . . . И служил . . . . .

II.

— Ну и что же?—спросил я, заметив, что Макар поджидает именно этого вопроса.

— Что? Комедия все это была. Никаких денег Вонифатьев не терял, а отдал их этому самому Шлендре,—дескать я потеряю, а ты найдешь . . . . . . Дааа! Пятьсот человек не поступили, а он поступил.

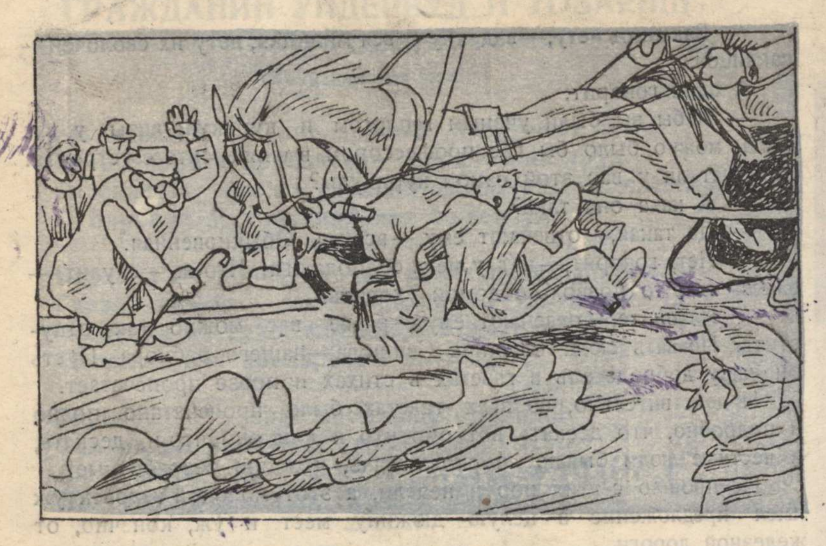
Евграф Дольский

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 91.5. Типография „Инвалид Печатник", Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 70.000 экз.

СКОРЕЕ СКОРОГО

Рис. Б. Антоновского.

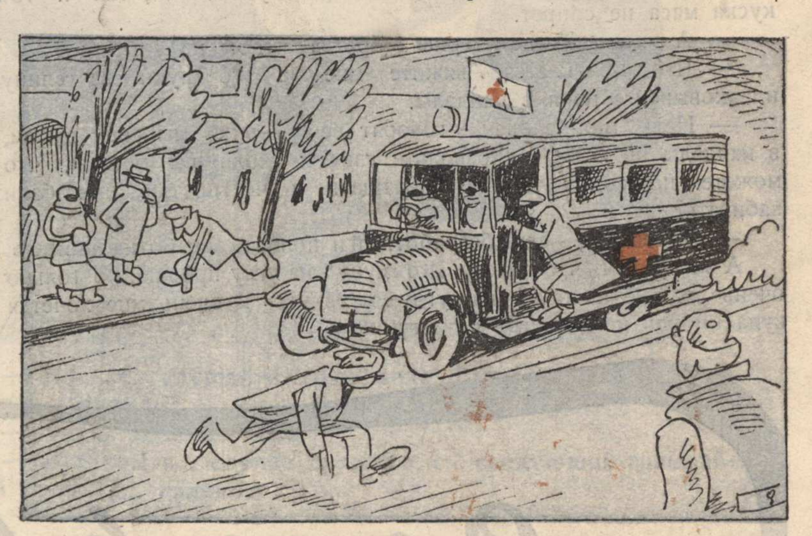
Уличное движение сами знаете, какое. Шум. Крик. Сшиб лихач человека.

Натурально, толпа. Советы подают. Интересуются не женщина-ли колбасой отравилась?

Только один Иван Иваныч с деловым подходом: дозвольте, говорит, я помогу!

Тем временем, карета скорой помощи со звонками мчится. Однако, домчавшись—

нашла жертву в порядке. А Иван Иваныч, осклабясь, говорит:

— У меня, говорит, с собой аптечка Ленинградского Медснабторга была. Это скорее всякой скорой помощи!